

Алексей Толочко

Принимал ли Роман Мстиславич посольство папы Иннокентия III в 1204 г.?

В новейшей биографии галицко-волынского князя Романа Мстиславича читаем:

«В поздней Кенигсбергской летописи, фрагменты которой приводит В. Н. Татищев, содержится интересное известие о том, что к Роману прибыло посольство от папы Иннокентия III, предложившее князю перейти в католичество и получить за это поддержку меча св. Петра. В ответ на это предложение, согласно летописи, Роман вынул свой меч и ответил: «Такий ли то меч Петров у папы? Иж имать такий, то может городи давати, а аз доколе имам ей [так в тексте, должно быть «и», его. — А. Т.] при бедре, не хощу куповати ино кровию, якоже отцы и деды наши розмножили землю рускую»¹.

Далее автор выражает свое удивление тем, что историки не всегда доверяли этому сообщению «в буквальном плане». Пожурив Е. Е. Голубинского за излишний скептицизм, он заключает:

«Таким образом, на наш взгляд, смысл сообщения Кенигсбергской летописи про контакты Романа с римским папой согласуются с конкретными историческими реалиями начала XIII в., и у исследователей не может быть сомнений [выделено мной. — А. Т.], что в основе его лежит реальное событие. В указанной Кенигсбергской летописи, в частности, приводится информация, что в случае соглашения папа Иннокентий III обещал Роману какие-то польские города»².

В этих пассажах вызывает недоумение как ссылка автора на Кенигсбергскую летопись, так и ее характеристика как какой-то малоизвестной и «поздней», да к тому же сохранившейся только в «фрагментах» у Татищева. А. Б. Головкин должен был бы знать, что Кенигсбергская летопись — другое название знаменитой иллюминированной Радзивилловской летописи, неоднократно издававшейся (в том числе дважды — фототипически), и, быть может, одной из наиболее изученных. Ее список 90 гг. XV в. принадлежит как раз к числу наиболее ранних, уступая по древности только Синодальному списку НПЛ, Лаврентьевскому и

1 Головкин О. Б. *Роман Мстиславич та його доба*. К., 2001. С. 188.

2 Там же. С. 191–192.

Ипатьевскому спискам. Летописный же текст, сохраненный в Радзивилловской летописи, по общему мнению — даже старше Лаврентьевского, отражая свод Переяславля Суздальского 1214–1216 гг.³

Более же всего удивляет, что в тексте Кенигсбергского списка нет сообщения, на которое ссылается А. Б. Головкин, что он без труда установил бы, заглянув в 38 т. «Полного собрания русских летописей», где издана Радзивилловская летопись, или в том первый той же серии, где она использована для вариантов к Лаврентьевскому списку.

Впрочем, кажется, А. Б. Головкин не отождествил известную ему Радзивилловскую летопись с «поздней Кенигсбергской»⁴ потому, что вся история о посольстве стала известна ему из вторых рук⁵. Исследователь лишь воспроизвел широко бытовавшие в литературе XIX в. суждения, притом примкнул к наиболее ошибочному из них, основанному, как увидим ниже, на недоразумении.

Действительно, сообщению о посольстве папы к Роману Мстиславичу доверяли многие историки: Карамзин, Иловайский, Петрушевич, Жданов, Абрагам⁶. Доверию способствовало то обстоятельство, что историки преимущественно ссылались не на Татищеву, но на летописный текст. Даже Грушевский отметил, что событие вполне вероятное, хотя рассказ о нем носит выразительные черты «Романовой легенды»:

«Даже признавая правдоподобие самого факта посольства, надлежит отделить от него литературную обработку. Было бы интересно установить время этой обработки. Быть может, истоки ее уходят еще во времена Даниила, как ужор за его унию (хотя нынешняя форма значительно более поздняя)»⁷.

Впрочем, и Грушевский не знал истинного источника известия, ссылаясь на «весьма популярный в новейшей историографии позднейший рассказ», известный из издания Радзивилловского кодекса.

3 Литературу о Кенигсбергской летописи можно найти в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1. С. 248–251.

4 Надо сказать, такое же различие иногда наблюдается в литературе до конца XIX в. Под «Кенигсбергской летописью» временами понимали копию петровских времен, тогда как «Радзивилловской» называли ее оригинал, привезенный в Россию в 1761 г.

5 Об этом, в частности, свидетельствует как текстуальное совпадение с соответствующим описанием эпизода у М. С. Грушевского (ср.: Головкин — «посольство... яке запропонувало князю перейти до католицтва й отримати за це підтримку меча св. Петра», Грушевський — «папа... прислав послів до Романа, намовляючи його на латинство, та обіцяв йому королівський вінець і поміч меча св. Петра»), так и то любопытное обстоятельство, что, цитируя Татищеву по первой редакции «Истории Российской», А. Б. Головкин ссылается на 3 том, где издана вторая редакция. Также примечательно, что когда исследователь в ином месте ссылается на том 4 (первая редакция), он указывает страницу из тома 3 (вторая редакция) (см.: Головкин О. Б. *Роман Мстиславич та його доба*. С. 192, прим. 105).

6 Обзор мнений XIX в. см.: Грушевський М. С. *Історія України-Русі. Т. 3: до року 1340*. Вид. 2. Львів, 1905. С. 12.

7 Там же. Прим. 1.

Вот как отрывок звучит в оригинале, каковым оказывается «История Российская» Татищева:

«Роман Мстиславич, мстя ляхом неправды и свои раны, весне собрав войско галицкое и володимерское, иде к Сендомиру, два города взя и много попустиша. А слыша, иж Мешко умер, чая от братаничны королевы и сына ея Лешка приреченную ему за проторь получитьи, възпятився, не взяв мира. А слыша, иж Лешка на королевство не взяли, разгневався, иде паки к Сендомиру, нача более разоряти и села жеци. Ляхи же просиша Лешка, абы слал от себе просити Ярослава. Он же, не ведый льсти их, детск бо бе, посла от себе послы Романа просити. Таже и папа, слыша, иж Роман угре и ляхи победи и всю Русь под себе приведе, сла к нему свой посол намовляти в латинскую веру свою, обещаваея ему города и королем в Руси учинити. Роман же препирашеса от письма, а они не срамляся належаху ему лагодными словесы. Единою же молвящу послу тому к Романови, как папа мочный и может его богата, сильна и честна мечем Петровым устроити. Он же, изъвав меч свой, рече послу: “Такий ли то меч Петров у папы? Иж имат такий, то может города давати, а яз доколе имам и при бедре не хочю куповати ино кровию, якоже отцы и деды наши размножили землю Рускую”. Послом же Лешковым рек: “Идите и рцйте, яз не хошу земли ваю вредити, толе заплата ми проторь, иж прирекоша. А не можете ли толико сребра воскоре собрати, дайте ми Люблин с землею, даже выплатите”. И, отпустя послы тии, к Галичу иде»⁸.

Излишне, вероятно, специально обосновывать поддельность этого фрагмента. Особенности словаря и синтаксиса, характерные и для других мистификаций «Истории Российской», с несомненностью устанавливают авторство Татищева.

В этом сообщении дважды употребляется довольно редкое слово, известное только юридическим и актовым памятникам, но не летописям⁹ — «проторь». Во второй редакции Татищев перевел его как «убытки»¹⁰, что довольно близко к значениям, приводимым И. И. Срезневским («проторь» — расход, иждивение; ущерб; судебные издержки; побор; повинность)¹¹. Любопытно, что у Срезнев-

8 Татищев В. Н. *Собрание сочинений. Т. 4. История Российская. Часть вторая.* М., 1995. С. 331.

9 Кроме, пожалуй, Псковской I летописи.

10 Татищев. Т. 3. С. 173.

11 Как и некоторые другие редкие слова, это, наверное, запомнилось Татищеву и он использовал его для наведения «пятины» древности на свои собственные тексты. Не лишне будет, вероятно, напомнить, что оно встречается в еще нескольких вымышленных историком текстах.

Под 6584/1076 г. Татищев распространяет собственными подробностями известие о походе Владимира Всеволодовича и Олега Святославича «к ляхом в помощь на чехи». Во время похода выяснилось якобы, что чешский князь заплатил полякам 1000 гривен отступного, а русские князья только напрасно издерживались в походе. Как явствует из примечания (210), похожее сообщение Татищев нашел у Бельского и Гваньини, но там отсутствовало упоминание русских князей (см.: *Kronika polska Marcina Bielskiego*. Wyd. Kazimierza Józefa Turowskiego. Sopot, 1856, 114). Тем не менее, историк решил, что «обстоятельства их сказания довольно являют, что Несторово сказание вероятное» (Татищев. Т. 4. С. 425) и вставил исправленную по своему усмотрению историю в текст летописи. Здесь слово «проторь» в значении военные издержки употреблено дважды (Татищев. Т. 4. С. 157; во втором случае в издании опечатка — «простори»). В приведенной Татищевым цитате из Бельского фигурирует оборот «взяв

ского находим и дополнительную словарную статью с контракцией, точно воспроизводящей ту, которую находим у Татищева и даже с цитатой из приведенного выше отрывка: «проторь — расход, издержка: — “Не хочу земли ваю вредити, толе заплатите ми проторь”. Как источник фразы Срезневский приводит: Радзивилловская летопись, 6713(?) г.»¹². Вопросительный знак здесь должен был, видимо, означать некоторые сомнения лексикографа (быть может, в дате), но все же примечательно, что цитата из Татищева атрибутируется Радзивилловской летописи.

Каким же образом могло возникнуть мнение, что Радзивилловская летопись и есть источником истории папского посольства к Роману? Дело в том, что одно издание Кенигсбергской летописи, именно первое 1767 г., действительно содержит такое известие, причем практически дословно совпадающее с соответствующим местом Татищева¹³. Именно на него и ссылались в XIX веке историки.

Когда в 1902 г. Радзивилловская летопись была наконец опубликована факсимильно, Грушевский в новом издании своей «Истории Украины» недоуменно заметил: «Рассказ этот принадлежит к редакционным дополнениям, в тексте Радзивилловского кодекса такого известия нет, см. фототипическое издание его»¹⁴. Так и не разгадав загадку, Грушевский и много лет спустя продолжал

убытки», что объясняет нам источник «протори» в Татищевском рассказе (об этом эпизоде с полным доверием к Татищеву см.: Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков*. М., 2001. С. 50–533).

Второй текст — это речь Изяслава Мстиславича к русским епископам об избрании митрополита (под 1147 г.). Необходимость такого избрания киевский князь обосновывал, между прочим, и тем, что в Константинополь посылаются большие деньги: «якоже и протори тце даемо» (Татищев. Т. 4. С. 207). Здесь также «протори» во второй редакции переведено как «убытки» (Татищев. Т. 2. С. 171). Речь Изяслава — явно пера Татищева (об этом см.: Добрушкін Е. М. О происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева. *Исторические записки*. Т. 97. М., 1976. С. 223–224). Источником Татищева здесь несомненно была Никоновская летопись, что доказывается, кроме прочего, и тем, что Татищев говорит о Клименте как схимнике и затворнике. «Схимником» же называет Клима и Никоновская летопись. Причиной здесь — неправильно понятая фраза ее источника, что Клима «вывели из Заруба», что редактор Ник. истолковал как «выведше его из молчания кѣли его» (*ПСРЛ*. 9: 172).

Наконец, третий случай — описание (вымышленное) обстоятельств захвата Галича Мстиславом Мстиславичем под 1219 г. (Татищев. Т. 4. С. 359–360). Известие (основой которого, вероятнее всего, была краткая запись Никоновской летописи под 1218 г. (*ПСРЛ*. Т. 10. С. 82)) представляет собой пастиш из мотивов, встречающихся в сходном контексте в различных известиях Ипатьевской летописи (в том числе и мотив денежных компенсаций, в нашем случае — «за проторь обещася платити 15000 гривен угорских сребра»).

12 Срезневский И. И. *Материалы для словаря древне-русского языка*. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1598. Новая статья понадобилась оттого, что «проторь» у Татищева — существительное женского рода, тогда как в остальных случаях материалы Срезневского отмечали только муж. р. «проторь».

13 *Библиотека российская историческая содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. Ч. 1. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года*. В СПб., при имп. Академии наук, 1767. С. 300.

считать рассказ поздней обработкой древнего предания о Романе. В «Истории украинской литературы» исследователь поместил собственный перевод всего заимствованного из «Библиотеки российской исторической» (1767) отрывка на украинский язык и заметил при том: «Язык той записи, с которой опубликована эта повесть, имеет характер позднейший, украинско-белорусский XVI–XVII вв. Но основа ее, очевидно, значительно старше». Об источнике же повести он теперь высказывался уклончиво: «В том печатном тексте, перевод которого я привел, история посольства, очевидно, вставлена механически в комплекс сведений о Романовых войнах. Ближайших разысканий о нем до сих пор предпринято не было»¹⁵.

В предисловии к факсимильному изданию Радзивиловской летописи 1902 г., на которое ссылался Грушевский, А. А. Шахматов установил, что издание 1767 г. было предпринято по той же копии Кенигсбергской летописи петровских времен (1713 г.), которой по совпадению пользовался и Татищев (БАН III Б77, старый шифр 31.7.22). Об этом свидетельствуют карандашные пометы на рукописи: изъятия, замены слов и вставки соответствуют особенностям издания 1767 г.¹⁶ Оно было осуществлено И. И. Таубертом и И. С. Барковым вполне в рамках археографических норм XVIII в., то есть с такими вмешательствами в текст, которые вскорости станут считаться совершенно недопустимыми¹⁷. Первый из издателей — Тауберт — был зятем И.-Д. Шумахера, всеильного «правителя» Академии наук, которому Татищев еще в 1746 г. отослал для хранения не предназначавшийся для печати Академический список «Истории Российской»¹⁸. Тауберт, по выражению Ломоносова, «зять его, и имения, и дел и чуть не Академии наследник»¹⁹, сменил Шумахера на посту распорядителя академической канцелярии. Как было известно окружающим, он присвоил себе хранящийся в Академии список Татищевского труда²⁰. Именно из него Тауберт и Барков и пополняли текст Кенигсбергского списка, отчего в нем и обнаруживается довольно значительное количество известий, находящих себе параллели только в труде Татищева.

14 Грушевський М. С. *Історія України-Русі*. Т. 3. С. 11, прим. 5.

15 Грушевський М. С. *Історія української літератури*. Т. 3. Вид. 2. К., 1993. С. 198–200.

16 Шахматов А. А. Описание рукописи. *Радзивиловская или Кенигсбергская летопись*. Т. 2. *Статьи о тексте и миниатюрах рукописи* [=Общество любителей древней письменности, вып. 118]. 1902. С. 13–14.

17 Предисловие. *ПСРЛ*. Т. 38. С. 3.

18 Здесь его, между прочим, читал в 1751 г. М. В. Ломоносов, называя «большим летописцем Татищева» (см.: Пекарский П. П. *История Императорской Академии наук*. Т. 2. СПб., 1878. С. 466, прим. 1).

19 Цит. по: Пекарский П. П. *История Императорской Академии наук*. Т. 2. С. 53 первой пагинации.

20 Об этом говорил Миллер, которому Тауберт позволил, однако, пользоваться списком. См.: Пекарский П. *Новые известия о В. Н. Татищеве*. СПб., 1864. С. 64; Пекарский П. П. *История Императорской Академии наук*. Т. 1. СПб., 1870. С. 420.

Впрочем, эта история была известна давно. Издание жестоко и с удовольствием критиковал еще Шлецер²¹. В рукописном отделе Библиотеки Академии наук хранится несколько экземпляров издания 1767 г., на которых их прежние владельцы еще в начале XIX в. отметили отступления от текста оригинальной рукописи (БАН 24. 4. 38, БАН 4. 3. 18, БАН 4. 3. 14). Один из них принадлежал академику Ф. И. Кругу, другой — В. Ф. Вельяминову-Зернову (1807 г.). Во всех трех экземплярах вымечены места, вставленные издателями из «Истории Российской» Татищева. Так что любопытствующий историк мог бы установить полный объем заимствований из Татищева, даже не предпринимая специальных разысканий²².

«История Российская» начала выходить из печати годом позже Кенигсбергской летописи (две части первой книги в 1768 и 1769 гг., вторая книга — в 1773, третья книга — в 1774 г.²³, четвертая книга печаталась в 1784 г.), но по какой-то прихоти история папского посольства к Роману так и не была в ней отыскана (так что даже Карамзин, крайне недоверчиво относившийся к Татищеву, принимал известие за чистую монету)²⁴. Любопытно, что один из упомянутых экземпляров издания 1767 г. — Вельяминова-Зернова — в свое время принадлежал И. И. Срезневскому. Лексикограф, таким образом, знал, что фраза, на которую он ссылается, документируя слово «проторь», не принадлежит летописному тексту, но предпочел все же указать Радзивиловскую летопись как источник.

Этот любопытный сюжет довольно наглядно демонстрирует, насколько причудливы порой бывают судьбы «татищевских известий». Раз попав на страницы классических трудов и будучи признаны «вполне вероятными», они начинают жить собственной жизнью.

От историка обычно требуют, чтобы его наблюдения, даже самые частные, были вписаны в более широкий контекст, объясняли бы его, и сами становились объяснимы как часть общей картины. В заключение этой статьи отважусь предложить несколько соображений о значении «татищевских известий» для изучения истории Руси.

21 Шлецер А. Л. *Нестор. Русские летописи на древне-славенском языке...* СПб., 1809. Ч. 1. С. II второй паг., и особенно с. 148 третьей паг.: «Статский советник Тауберт, один из действительных начальников академии, вняв Миллеру воззванию о печатании временников, с жаром принялся за это дело... Он отдал его [петровский «противень» Радзивиловского списка — А. Т.] печатать, как будто древний и хороший список, неученому Баркову и позволил, или лучше приказал ему, выпускать, прибавлять, и также поновлять древний язык. Можно отгадать, что от этого все дело испортилось...»

22 Как то недавно сделал А. Плахонин, заинтересовавшись иным «татищевским известием» в издании Радзивиловской летописи 1767 г. (см.: Плахонін А. Всеволодко Городенський: Василь Татищев і джерела до вивчення генеалогії Рюриковичів. *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Т. 240. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С. 232–233).

23 Именно здесь был напечатан эпизод с папским посольством к Роману.

24 См.: Карамзин Н. М. *История государства Российского*. Изд. 5. Кн. 1. СПб., 1842. Т. 3. Стб. 67–68. Это тем более удивительно, что в примечании Карамзин проицирует пад Татищевским «портретом» Романа, помещенным на соседней странице.

Эпизод с посольством папы к Роману, как известно, не единственный фальсификат, приуроченный Татищевым к правлению Романа Мстиславича. Под 1203 г. «История Российская» рассказывает о проекте государственного переустройства, якобы предложенном Романом русским князьям, но отвергнутым ими²⁵. Романа Татищев явно выделял из общего ряда князей конца XII в., о чем, в частности, свидетельствует еще одна мистификация — обаятельный, но совершенно вымышленный историком «портрет» князя под 1205 г.²⁶ Из него вырисовывается образ человека легкого, любящего женщин и вино, но серьезного политика и удачливого воина, временами невоздержанного в гневе (так что даже порой заикался), но привлекательного внешне, а кроме того, — могущественного князя, «страшного всем окрестным» (это буквальная цитата из Стрыйковского). Именно такому Роману Татищев решил приписать два поступка, уникальные для истории домонгольской Руси: Роман оказывается автором единственной в своем роде государственной реформы и (за это?) князю предлагают королевскую корону, высокомерно им отвергнутую.

Почему именно Роман Мстиславич? Ведь если попытаться составить впечатление об этом князе исключительно на основании летописной информации, то окажется, что Роман, в общем, едва ли заслужил ту высокую репутацию, с которой находим его в историографии. В *Киевской летописи* Роман — по преимуществу скандалист и склочник, создающий немало неудобств своему тестю Рюрику Ростиславичу. В летописях владими́ро-суздальского происхождения Роман — тот же скандалист, но князь второго плана, находящийся «в воле» могущественного Всеволода Юрьевича. В любом случае, это человек мятущийся, малопредсказуемый и нерациональный. В его поступках много взрывных эмоций (развод с женой, пострижение Рюрика), но мало последовательной стратегии. Это великий государственный муж, проживший жизнь бездарно и окончивший ее по недоразумению, погибнув в случайном столкновении.

На этом общем фоне, конечно, совершенно неожиданным кажется монументальный образ Романа, по известным причинам изображенный во вступлении к *Галицко-Волынской летописи* его сына. Именно такой Роман по преимуществу существует на страницах биографий. Но даже этот единственный летописный панегирик остался для Татищева неизвестен: обе его летописи, которые могли бы содержать его (*Голицынская* и *Раскольничья*), обрывались на киевской части. Таким образом, Роман, казалось бы, не лучшая для замысла Татищева кандидатура. Если бы историку предстояло набросать силуэт князя, опираясь исключительно на летописи, ему никогда не пришла бы в голову идея вложить именно в уста Романа реформаторские идеи и именно ему предложить королевскую корону.

25 Об этом см.: Oleksiy Tolocho, Roman Mstyslavich's Constitutional Project of 1203: Authentic Document or Falsification?, *Harvard Ukrainian Studies* (18, 3–4, 1994), 249–274.

26 Татищев. Т. 4. С. 332. Здесь, кстати сказать, Татищев использует мотивы, почерпнутые из Стрыйковского.

Но дело все в том, что Татищев в этом случае основывался совсем не на старых летописях.

На Татищева и его видение Романа чрезвычайное впечатление произвела «Хроника» Мацея Стрыйковского, которую переводили специально для историка. А у Стрыйковского Роман — фигура общерусского звучания. Уже в 198 г. он подается как «na ten czas w Ruśi mocniejszy»²⁷. Роман у Стрыйковского не только самый могущественный русский князь, не только «monarcha w­szystkiej Ruśi», он неслыханный тиран, победитель половцев, жестокий покоритель Литвы, о котором будут ходить поговорки в веках²⁸. Словом, Роман, как пишет Стрыйковский,

«w Ruśi z­mocnił tak bardzo, iż inszym xiążetom Ruskim, był ogromny, za czym jednych zholdował, a drugich z xiążstw wygnał, posłusznych, według swego zdania, na miejsce wygnanych ustawując».

Вместе с тем, в изображении Стрыйковского Роман не лишен и реформаторских, и государственных амбиций: он переносит столицу «русской монархии» из Киева в Галич, из-за чего якобы среди русских князей позднее даже возникают большие недоразумения.

Совершенно такой же образ Романа находим и в зависимом от Стрыйковского «Синописе», памятнике весьма еще влиятельном во времена Татищева и интенсивно (не смотря на критику) используемом историком. И хотя у Стрыйковского и в «Синописе» Роман — образ скорее негативный, однако незаурядный и интригующий, на современном ему фоне посредственных южнорусских князей не лишенный даже некоторого своеобразного обаяния, и уж точно единственный, кому можно было бы поручить ответственную миссию.

Историки, как правило, не осознают, насколько сильно они зависят от традиции в том, как ощущается ими общий силуэт эпохи. Наш случай — едва ли не хрестоматийный в этом отношении. «Научные» представления о Романах и его деятельности всегда формировались под мощным прессингом традиции и идеологии. Выше отмечено, что Татищев в своих суждениях основывался на образе Романа, созданном польскими историками XVI в. Но все дело в том, что образ Романа, постепенно формирующийся в «научной» историографии XIX в. (и унаследованный современной), сам зависит от тех же источников, а в немалой степени — и от Татищева. Российская историография ведет свою непрерывную генеалогию именно от труда Татищева. В польской же историографии (как и в галицийской, а в последствии и украинской) Роман предстает фигурой особенного значения, так как ему будут приписывать создание «Галицко-Волынско-

27 *Kronika polska, litewska, żmudska i w­szystkiej Ruśi Macieja Strykowskiego*. Warszawa, 1846. S. 209.

28 Одну такую поговорку сочиняет и сам Татищев, см.: Татищев. Т. 4. С. 332.

го государства», так что Бельский или Стрыйковский здесь оказываются особенно кстати. В украинском случае Роман становится «отцом-основателем» государственного образования, положенного в основание отдельной украинской истории²⁹.

Таким образом, совпадение «научного» образа Романа с Татищевским (воспринимаемое как доказательство правдивости татищевских известий) не случайно. Оба они питаются из одних и тех же источников. Более того, широко известная и интенсивно используемая с XVIII в. «История Российская» во многом определила, как историки стали смотреть на Романа Мстиславича, даже если через несколько сот лет они не склонны признаваться в этом.

Здесь мы подходим к довольно важной проблеме. Так ли уж невинна дурная привычка прибегать к известиям Татищева всякий раз, когда другие средства исчерпаны? Казалось бы, в этом нет большого греха, тем более, что исследователи, как правило, маркируют подобные данные специальным образом («как сообщает Татищев», «у Татищева сохранилось известие» и т. д.) и тем самым как бы держат «татищевские известия» в отдельном от остальных источников ящике каталога. При этом предполагается, что исследование вполне может обойтись и без таких дополнительных доказательств, нужно только прочесть его, «изымая» маркированные места.

Как показывает наш случай с папским посольством и с проектом Романа, Татищев оказывается отнюдь не нейтральным «собранием источников», но активным игроком в историографии. Он предоставляет не только то, что обычно называют «фактами», но вместе с ними — идеологические конструкции. Вероятно, не будь Татищевской «Истории Российской», Роман Мстиславич фигурировал бы в современной историографии как любопытный персонаж, многолетний возмутитель спокойствия в Южной Руси, внесший свою лепту в общее падение авторитета Киева и киевского князя. Его пятилетнее княжение в объединенной Галиции и Волыни (рассыпавшейся тотчас же после смерти князя), быть может, занимало бы страницу-другую в общих трудах, но скорее как факт в индивидуальной истории его детей, положивших многие годы на отвоевание этой своей виртуальной отчины. Татищев же привел несколько текстов, из которых следовало, что Роман был государственным деятелем, мудрым реформатором, незаурядным дипломатом. Тот, с кем должна была бы связываться деградация «государственности», стал прозорливым творцом «новой государственности». Силуэт эпохи был существенно изменен. Ученые стали обнаруживать и даже считать главными тенденции и процессы (как, например, формирование «Галицко-Волынского государства»), которых при иных обстоятель-

29 Последовательное накопление мифологии вокруг Романа прекрасно иллюстрирует книга А. Б. Головки, сама будучи частью этого явления (Головка О. Б. *Князь Роман Мстиславич і його доба*).

ствах не стали бы искать. Независимо от того, ссылаются ли теперь исследователи на тексты Татищева, принимают ли их в расчет, знают ли вообще об их существовании, мистифицированный образ эпохи оказался растворенным в десятках и десятках синтезов, вошел в учебники. Наиболее яркие эпизоды жизни Романа Мстиславича оказываются либо вымышленными, либо легендарными. Основанное на них общее впечатление от эпохи — «научно выверенным».

Інститут історії України НАН України